

Использованная литература

1. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
3. Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Академический проект, 2004.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. — М.: А ТЕМП, 2004.
5. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010.
6. Русское Радио [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusradio.ru/air/zg/prizes/>
7. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.

Статья рекомендована кандидатом филологических наук, доцентом Т. В. Ицкович

Ван Вэньцзя
аспирант 2 к. УрФУ

ПОНЯТИЕ «СЦЕНАРИЙ» В КОГНИТИВНОМ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Когнитивная лингвистика, сформировавшаяся в 80-е годы XX в., изучает язык как средство кодирования, хранения, передачи информации. «Это междисциплинарная отрасль современной лингвистики, сосредоточенная на когнитивной функции языка и возникшая на базе когнитивистики — науки о познавательной деятельности человека. Целью когнитивной лингвистики является раскрытие механизмов восприятия, категоризации, концептуализации знания» [Матвеева 2010: 147]. Для реализации этой цели может быть использована когнитивная структура, выступающая совокупностью организации представления знаний о действительном мире, средством кодирования, хранения, трансформации и передачи информации. Она входит в ядерную часть концептов как иерархически организованные устойчивые смыслы и одновременно как определенная содержательная форма. [См.: Орлова 2005: 43]. Типичной когнитивной структурой выступает сценарий.

Сценарий — это динамически представленный концепт как последовательность нескольких эпизодов во времени. Фактически это фрейм, разворачиваемый во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов.

Дифференцируются понятия «когнитивный сценарий», «культурный сценарий» и «коммуникативный сценарий». Охарактеризуем их. А. Д. Шмелев отмечает, что в зарубежных исследованиях описываются когнитивные сценарии и культурные сценарии, для которых существуют свои собственные термины: соответственно *cognitive scenario* и *cultural script*. В самом общем виде *когнитивный сценарий* представляет собой типичную ситуацию, которой соответствует употребление определенного языкового выражения, ментальную схему, знание и понимание компонентов которой позволяет адекватно ориентироваться в общении, организовывать и прогнозировать реальное или потенциальное поведение в соответствии с этой схемой.

Когнитивный сценарий может быть рассмотрен не только как эксплицитный способ представления информации, но и как способ формирования и функционирования мнений и установок человека. В таком случае его стоит трактовать как культурный сценарий. Так, А. Д. Шмелев в предисловии к работе А. Вежбицкой «Сопоставление культур через посредство лексики и грамматики» отмечает, что термин «*культурный сценарий*» (*culture script*) следует использовать для описания характерных для некоторой данной культуры правил поведения, представлений о том, что хорошо и что плохо, «культурных предписаний», «ценностных установок культуры» [Шмелев, 2001: 12]. В интерпретации этого сложного понятия он опирается на опыт лингвокультурологического анализа, представленный в работах А. Вежбицкой и ссылается на понятие «*культурно-обусловленный сценарий*» (ср. термины “*cultural frame*”, “*culturally shared ideas*” [См.: Вежбицкая 1999]) как «внешнее выражение скрытой системы «культурных правил»» (“*cultural rules*”) [Вежбицкая 2001: 159], или правил, регулирующих речевое поведение людей в определенных речевых ситуациях [См.: Вежбицкая, Годдард 2002: 121]. Эти сценарии А. Вежбицкая описывает с помощью разработанного ею естественного семантического метаязыка (NSM), позволяющего выявить культурно-специфические отношения, основные положения, нормы с нейтральной, независимой от культуры точки зрения. По мысли А. Вежбицкой, разные способы говорения, (т.е. разные коммуникативные нормы) отражают разные культурные ценности, или, по крайней мере, разные иерархии

ценностей. Иными словами, это разделяемые носителями культуры убеждения, которые определяют, как люди оценивают реальное или воображаемое поведение: какие виды поведения являются принятыми, желательными, поощряемыми, с одной стороны, и какие — неприемлемыми, нежелательными, непоощряемыми, с другой. Они лежат в основе верований, убеждений, взглядов и коммуникативных средств, обычно связанных с ними. Они принадлежат к тому, что чаще называют *doxa* — общеразделяемый набор твердых убеждений, распространяемый на всех тех, кто принадлежит к данной культуре.

А. С. Кармин и Е. С. Новикова предлагают следующее (образное) осмысление сценариев, которые организуются и определяются культурой: «Культурные сценарии — это обусловленные имеющимися в культуре знаниями, ценностями и нормами каналы или пути, по которым может в данном обществе проходить жизнь и деятельность людей. Их можно схематически представить в виде траекторий, проходящих через какие-то «ниши» культурного пространства» [Кармин, Новикова. 2005: 138]. Каждая отдельная личность живет и действует, выстраивая свою индивидуальную жизнь и деятельность по программам, которые определяются социальными условиями и усвоенными личностью культурными установками. Будем называть программы такого рода сценариями. Сценарий — это развертывающийся в определенном социокультурном контексте план действий личности. По мнению вышеуказанных авторов, следует разграничивать два вида культурных сценариев: «общий культурный сценарий и индивидуальный культурный сценарий». Первый предстает как эталонный сюжет в пространстве культуры, дает человеку общие контуры и принципы. Конечно, каждый человек выбирает какие-то из них в зависимости от конкретных обстоятельств жизни и своих личных особенностей. Эта конкретизация главной сюжетной линии образует второй сценарный слой — индивидуальный сценарий деятельности, в котором основной сюжет приобретает своеобразие, характерное именно для данной личности [там же]. Тем не менее, вероятность определенного, культурно и коллективно обусловленного, поведения людей выше. Исходя из того, что культурные сценарии формируются благодаря коллективной духовной деятельности народа, люди, иногда даже неосознанно, следуют традициям, обычаям, которые уже сложились в культуре. «Сила общественного мнения, господствующих в культуре установок заставляет людей в своей жизни и деятельности осуществлять то, что положено по культурному сценарию» [Там же: 139].

Для нас важна мысль, что культурные сценарии приписывают людям различные роли, которые они играют в определенном контексте своей жизни. Благодаря культурному сценарию, соответствие действий человека обеспечивается условиями общественной жизни. Он делает поведение людей понятным для других и предсказуемым, однако, рамки культурного сценария стандартизируют мышление людей, и это может ставить их в тупик, когда они оказываются в жизненных ситуациях, не предусмотренных эталонными культурными сценариями.

Понятие «культурный сценарий» делает ключевым в своем диссертационном исследовании И. В. Шалина [См.: Шалина 2009]. Разные культурные сценарии реконструируются ею на основе не отдельных культурноспецифических слов (что принципиально для данной работы), а на основе текстов-разговоров носителей просторечной лингвокультуры — людей, связанных поколенческой общностью. Культурный сценарий понимается автором как «вписанный в типичный хронотоп, динамически заданный, повторяющийся разворот определенного события (или цепочки событий), участниками которого каждый раз могут становиться разные лица (коммуниканты). Этот сценарий эксплицирует жизненные представления, коммуникативно-этические нормы и ценностные установки, презумпции, предписания и запреты, связанные со значимыми объектами жизнедеятельности» [Шалина 2009: 75]. Исследователь выделяет общий (жизненный) и частные культурные сценарии. Основные участки жизненного сценария формируются и выверяются в первую очередь под влиянием норм, ценностей и традиций, усвоенных с детства, сложившихся в данной культуре [там же: 73]. Общий культурный сценарий дает разверстку в частные культурные сценарии, которые могут реконструироваться целостно или фрагментарно.

Симптоматично, что органическим параметром культурного сценария являются, кроме хронотопа (пространства и времени) и композиции, его участники, рассматриваемые в функционально-ролевом аспекте. Например, культурном сценарии «Жизнь в деревенской семье» выделяются роли *отца, матери, дедушки, бабушки, брата, сестры, детей, свекрови, мачехи* и др. В культурном сценарии «Встреча друзей», эксплицированы роли *друга, закадычной подруги*.

В современной лингвистике все чаще закрепляется мысль о том, что речи (диалогу или разговору) свойственно существование в определенных структурных моделях коммуникативного поведения [См.: Т.А. ван Дейк,

Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин, И.П. Тарасова, Б.Ю. Норман, А. Вежицкая и др.].

Коммуникативно обусловленный сценарий, являясь одним из вариантов фрейма и представляя ситуативно-тематическое развертывание мысли в рамках речевой ситуации, соотносится с определенными речевыми жанрами в зависимости от целевой установки субъекта речи, от коммуникативного контекста, возможности множественной интерпретации высказывания со стороны адресата. Данный вид сценария для конфликтной коммуникативной ситуации описывается как «распределение ситуативно-коммуникативных ролей (*конфликтант* и *респонсор*), коммуникативной инициативы и взаимно скоординированных стратегий речевого поведения партиципантов» [Борисова 2006: 96].

По мнению В. И. Беликова и Л. П. Крысина коммуникативная ситуация состоит из ситуативных переменных, в которые входят следующие компоненты: 1) говорящий (адресант); 2) слушающий (адресат); 3) отношение между говорящими и слушающими и связанная с этим; 4) тональность общения (официальная — нейтральная — дружеская); 5) цель; 6) средство общения (язык или его подсистема — диалект, стиль, а также параязыковые средства — жесты, мимика); 7) способ общения (устный / письменный, контактный / дистантный); 8) место общения [Беликов, Крысин 2015: 46]. Изменение любого компонента ведет к изменению коммуникативной ситуации и, следовательно, коммуникативного поведения участников.

Значимости ситуативных переменных различаются. Более значимыми представляются те переменные, «которые отражают некоторую лингвистическую или социальную заданность структуры общения» [там же: 47]. Для экспликации своего мнения ученые приводят пример «общение судьи и свидетеля». Известно, что общение судьи и свидетеля в зале судебных заседаний отличается большой официальностью используемых обеими сторонами языковых средств. Выходя из служебной роли, судья перестает находиться со свидетелем в тех отношениях, которые предписывают им обоим определенное речевое поведение. Например, если и тот и другой едут в автобусе, роли их превращаются в модель «пассажир — пассажир», их речь будет менее официальна.

Изменение места коммуникации не всегда ведет к изменению характера речевого поведения, если отношения партиципантов остаются прежними. Изменение цели и отношение между участниками коммуникации кажутся более значимыми, чем другие ситуативные переменные.

Согласно цели и отношению между адресантом и адресатом говорящий выбирает соответственный языковой стиль и речевой акт. Например, «просьба, угроза, клятва, извинение, приказ, оправдание и тому подобные интенции говорящего облекаются в форму соответствующих речевых актов, которые отличаются друг от друга, как по целям, так и по характеру совмещения в них разных функций языка» [Беликов, Крысин 2015: 47—48].

Когнитивный подход к изучению речевого поведения интересен с точки зрения предсказуемости развития взаимодействия коммуникантов, поскольку фрейм и другие когнитивные единицы закрепляют стандартный набор способов речевых действий и их последовательность в развитии коммуникативной ситуации, что дает возможность избежать неожиданностей в общении и, следовательно, коммуникативных недоумений и неудач.

Культурный сценарий, отражающий ситуацию приема в доме гостя, моделирует Г. Е. Крейдлин. В частности, он приравнивает такой сценарий к невербальному ритуалу и выделяет в нем три части: встреча гостя, угощение гостя и проводы гостя. Разумеется, каждая из частей предполагает некий разговор, который не обязательно может касаться важных моментов в жизни. Первая часть — встреча гостя — предполагает, что гость раздевается, хозяин проводит его в комнату или на кухню, предлагает сесть (иногда только жестом руки), но часто гостя сразу просят занять место за столом. Действия хозяина и гостя исследователь предлагает описать в виде отдельных пропозиций, образующих сценарий соответствующей части ритуала «прихода в гости»:

[Люди делают примерно следующее]:

когда человек приходит к ним в гости и звонит (стучит) в дверь, они встречают его и

предлагают снять верхнюю одежду;

гость снимает ее и спрашивает, следует ли ему разуться;

затем, либо сняв, либо не сняв обувь, он проходит в сопровождении хозяина в комнату, на

которую тот ему указывает;

в случае, если угощение гостю уже приготовлено, хозяин может предложить ему сразу

пройти к столу и указать, какое место занять.

Приведенные пропозиции являются фразами метаязыка, или языка смыслов. Он включает в себя не только смысловые примитивы (атомы

смысла), но и более крупные единицы (молекулы смысла) — *гость, хозяин, приходить, дверь* и др. Молекулы принадлежат разным семантическим и функциональным полям: *гость и хозяин* описывают социальные роли, другие единицы определяют условия бытования ритуала — место. Время, действия участников ритуала, материальные или природные объекты и т.п. [Крейдлин 2013: 114—115].

Итак, в нашем понимании понятие сценарий является родовым для понятия ролевой сценарий, которое укрупняет такой органический сценарный параметр, как участники события. Последние рассматриваются в аспекте их функционально-ролевых характеристик. Идея расслоения личности на ролевую оболочку и, более глубинную, культурную основу, позволяющая увидеть, как в коммуникативном взаимодействии через проигрывание определенных ролей эксплицируются культурные ценности, представляется продуктивной для нашего исследования.

Использованная литература

1. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996.
2. Беликов И. В., Крысин Л. П. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2016.
3. Борисова И. Н. Конфликтогенная ситуация в повседневном общении // Язык вражды и согласия в социокультурном контексте современности: коллективная монография. — Екатеринбург, 2006. — С. 89—125.
4. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
5. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989.
6. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Языки славянской культуры, 2001.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. — М.: Языки русской культуры, 1999.
8. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. — Саратов, 2002. — Вып. 3. — С. 118—156.
9. Кармин А. С, Новикова Е. С. Культурология. — СПб.: Питер, 2005.
10. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. — М.: НЛЮ, 2002.

11. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.
12. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д: Феникс, 2010.
13. Никитина В. В. Культурный сценарий и его языковое обеспечение как элемент лингвокультуры: на материале английского культурного сценария «Гостиничный сервис»: дис. ... кан. филол. наук.— Самара.— 2006.
14. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка): Монография. — Омск: Вариант-Омск, 2005.
15. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток — Запад, 2010.
16. Стернин И. А. О национальном коммуникативном сознании// Лингвистический вестник. — Вып. 4. — Ижевск, 2002. — С. 87—94.
17. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009.
18. Шмелев А. Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди [предисловие] // Вежицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. — М., 2001. — С. 9—13.

Статья рекомендована доктором филологических наук, доцентом И. В. Шалиной

С. А. Демидова
студентка 1 к. УрФУ

КОНЦЕПТ «СЕМЬЯ»: ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД (НА МАТЕРИАЛЕ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ)

На протяжении всего существования человечества концепт *семья* является одним из самых важных и актуальных для всех исторических этапов его развития. Каждая нация, в зависимости от языка, территории, климата, определенного уровня социального и технического развития, а также религии, создает свои законы семьи как основы мира и сохраняет главные идеи рода, ответственности за него, его защиты и развития, воспитания. Исходя из этих принципов, предки всех народов строили свой быт, закладывая в него определенные этические аспекты. Сейчас в обществе наблюдается достаточно большое количество разводов, происходит постепенное разрушение семьи, против которого активно